

УДК 94(495).01

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ ИОАННА МАЛАЛЫ TO THE QUESTION ABOUT RELIGIOUS VIEWS OF JOHN MALALAS

А. В. Кобзева
A. V. Kobzeva

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: KobzevaAV31@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы Всемирной хроники («Хронографии») Иоанна Малалы, охватывавшей период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно, и, в частности, вопросы, связанные с личностью знаменитого автора, его религиозными взглядами и их отражением в тексте «Хронографии». Автор проводит мысль о том, что, несмотря на существующие мнения о возможном монофизитстве Малалы, текст не дает оснований для таких выводов. Внешне автор хроники вполне ортодоксален и не заостряет своего внимания на религиозных противоречиях и ересь внутри христианской церкви.

Resume. The article deals with the structure of the World chronicles of John Malala which covers the period from ancient times to the end of the reign of Emperor Justinian, inclusive. And, in particular, to questions connected with identity of the well-known author, his religious views and their reflection in the text «Chronicle».

Ключевые слова: хроника, религиозные взгляды, Византия, традиция, Иоанн Малала.
Key words: Chronicle, religious views, Byzantine, tradition, John Malalas.

В замечательной по богатству византийской историографии особое место по праву принадлежит популярной всемирной хронике. Одним из наиболее ярких и важных по значению для раннего периода подобных произведений является «Хронография» или «Всемирная хроника» Иоанна Малалы.

Сочинение Иоанна Малалы охватывало период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно. Жил Иоанн Малала в V–VI вв., сначала в родной для него Антиохии, затем в Константинополе. Хроника его, видимо, была написана уже в столице империи.

В Оксфордской рукописи хроника Малалы заканчивается на 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утерянное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., то есть до конца царствования Юстиниана, а возможно даже и до 574 г.

В научной литературе уже на протяжении более 300 лет ведутся споры о личности автора этого знаменитого труда.¹ Главная проблема заключается в том, что сам византийский хронист ничего не говорит о себе в написанной им «Хронографии». В историографии можно отметить несколько основных гипотез по данному вопросу. Одни ученые отождествляют Иоанна Малалу с константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком, уроженцем Антиохии, занимавшим патриарший престол в столице империи с 565 по 577 г.² Другие сближают Иоанна Малалу и Иоанна Антиохийского.³ Третьи, без достаточных оснований, переносят жизнь и деятельность хрониста даже в VIII в.

Наиболее глубоко к вопросу о личности Малалы подошли немецкие ученые Э. Патциг, Г. Гельцер и К. Глейе. Данные исследователи в конце XIX в. существенно продвинулись в области вопросов, связанных с Иоанном Малалой и его хроникой. Ими были поставлены вопросы о воз-

¹ Croke B. Modern study of John Malalas // Studies in John Malalas. Sydney, 1990. P. 325–338.

² Haury J. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos? // Byzantinische Zeitschrift (BZ). 9. 1900. S. 337–356.

³ Partzig E. Johannes Antiochenus und Johannes Malalas. Progr. Leipzig, 1892; Partzig E. Die Abhängigkeit des Johannes Antiochenus von Johannes Malalas // BZ. 10. 1901. S. 40–57.

можном монофиситстве автора, о нескольких изданиях хроники, о возможном наличии нескольких авторов, о редактировании «Хронографии».⁴

Особенно следует выделить работу Дж. Хаури, в которой он пытается доказать тождество Иоанна Малалы и Иоанна Схоластика.⁵ Нужно отметить, что между ними действительно есть некоторое сходство: оба были адвокатами и их прозвища имеют общий логический смысл (ритор/схоластик). К тому же и Малала, и Иоанн Схоластик были выходцами из Антиохии, и также оба в определенный момент перебрались в Константинополь. Дж. Хаури большое внимание уделяет соотношению имен «Ритор», «Схоластик» и «Малала». Он доказывает, что эти титулования тождественны между собой и обозначают ученого человека, часто занимавшего должность адвоката.⁶

В настоящее время исследованием личности Иоанна Малалы в англоязычной науке занимаются Э. Джеффрис, У. Тредголд⁷ и др. Нужно отметить, что у Тредголда дан более революционный взгляд на личность византийского хрониста. И на данный момент все исследователи признают, что Иоанн Малала - византийский хронист VI века, автор первой из дошедших до нас всемирных хроник.

Среди большого круга вопросов, обозначенных различными исследователями, при изучении исторического сочинения Малалы является вопрос о мировоззрении популярного хрониста.

18-я книга «Хронографии» Малалы, посвященная описанию царствования Юстиниана, современником которого был автор, проливает наиболее яркий свет на социально-политические и религиозные взгляды этого хрониста.

Одной из сложных проблем, породившей большие споры в византиноведческой литературе, как раз и является вопрос о религиозных взглядах Малалы. Эти споры сводились к тому, был ли Малала последователем ортодоксального никейского вероисповедания или монофиситом. Некоторые ученые находили в хронике следы монофизитских взглядов, что, однако, противоречило ортодоксальности заключительной части 18-й книги исторического труда Малалы.⁸

Эти, противоречащие друг другу версии, можно попытаться решить, выдвинув две гипотезы. Согласно первой из них, существовало два хрониста — ортодокс и монофизит, которые и являются якобы соавторами произведения, известного под названием «Хронографии» Иоанна Малалы. Другие же исследователи воздерживались от столь крайнего суждения и ограничивались гипотезой о том, что монофизитский труд Малалы был подвергнут в последней своей части обработке со стороны какого-то неизвестного ортодоксально настроенного редактора.⁹

Если же обратиться ближе к религиозным воззрениям Малалы в том виде, в котором они проявляются в его историческом сочинении, то, в первую очередь, внимание привлекает тот факт, что при всей своей благочестивости автор хроники остается в стороне от современных ему религиозных споров и не высказывает о них каких-либо суждений. Он вообще очень сдержан при описании церковных дел.

В оценке религиозной политики Юстиниана у Малалы просматривается некоторая неоднозначность. С одной стороны имеет место восхваление его церковной деятельности, а с другой — некоторые критические замечания. Однако в труде четко прослеживается ортодоксальная точка зрения, которая постоянно берет верх. Хронист подчеркивает благочестие василевса и его заботу об интересах церкви. Так, например, он упоминает о знаменитом эдикте Юстиниана, запрещавшем отчуждать церковное имущество. «В то же время, — пишет он, — император издал указ о епископах, орфанотрофах, экономах и ксенодохах: каждый пусть составляет завещание, но только в отношении того имущества, которое он имел в собственности прежде, чем занял эту должность; пусть только это он и завещает. И немедленно, как только он назначался, указывалось его имущество».¹⁰

Малала особенно хвалит императора за политику распространения христианства среди варварских народов. Он прославляет такой акт церковной политики, как крещение гуннов, распространение христианства среди аксумитов. Он подчеркивает, что Юстиниан, придавая столь большое значение миссионерской деятельности, постоянно был сам восприемником при крещении варварских правителей.

⁴ Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. Leipzig, 1885. Vol. 2; Idem. Zu Africanus und Johannes Malalas // BZ. 1893. Vol. 3. S. 394-395; Gleye C.E. Zum slavischen Malalas // Archiv für slavische Philologie. Vol. 16. 1894. S. 578-591; Idem. Beiträge zur Johannesfrage // BZ. Vol. 5. 1896. S. 422-464; Partzig E. Unerkannt und unberkannt gebliebene Malalals Fragmente // Jahresberichte der Thomasschule zu Leipzig für das Schuljahr von Ostern 1889 bis Ostern 1891. 1891; Idem. Die angebliche Monophysitismus des Malalas // BZ. Vol. 7. 1898. S. 111-128.

⁵ Hauri J. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos? // BZ. Vol. 9. 1900. S. 337-356.

⁶ Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2014 / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2. С. 12.

⁷ Там же. С.10.

⁸ Gleye C. E. Über monophysitische Spuren im Malalaserwerke // BZ. 8. 1899. S. 312—327.

⁹ Удальцова З.В. Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // Византийский временник (ВВ). М., 1971. Т. 32. С. 9.

¹⁰ Там же. С.10.

Для определения религиозных взглядов Малалы очень показательным его отношение к гонениям против еретиков и язычников, начатым в правление Юстиниана. В начале хроники автор весьма сдержан в этом вопросе. Малала просто констатирует факт запрещения различных ересей и говорит, что у еретиков, кроме ариан-экзакционитов, были отобраны церкви.

Иное отношение автора прослеживается, когда он переходит к описанию гонений в Персии против манихейской ереси. Здесь автор выступает на стороне гонителей, и он оправдывает массовое истребление манихеев. Хронист пишет: «В то же время в персидских областях обнаружилась манихейская ересь¹¹. Узнав об этом, царь персов разгневался так же, как и верховные маги персов. Ибо был у этих манихеев и епископ по имени Индарацар. Персидский царь устроил совет¹² и, собрав всех манихеев вместе с епископом, отдал приказание стоявшему вокруг вооруженному войску, и были зарублены мечами все манихеи и их епископ вместе со своим клиром. Все они были убиты на глазах самого царя и христианского епископа. Имущество их было конфисковано, а церкви переданы христианам. [Царь] разослал по своей стране божественный указ о том, чтобы сжигали уличенных в манихействе. Сжег он и все их книги. Обо всем этом рассказал бастагарий (перевозчик, курьер) персов, после крещения принявший имя Тимофея» (Mal. Chron. XVIII, 30).

Малала знал, что еретики, подвергавшиеся гонениям, вызывали у населения сочувствие, порождавшее массовые народные волнения, особенно в восточных провинциях империи и в частности, в родном городе писателя — Антиохии. Хронист очень ярко описывает столкновения в Антиохии, вызванные преследованиями еретиков. Малала пишет: «По городам были посланы грамоты, чтобы были отправлены в изгнание те, кто не ходит в святые церкви, ссылаясь на постановление Халкидонского собора шестисот тридцати. В Антиохии произошло волнение, и димы устремились в резиденцию епископа, кидая камни и выкрикивая оскорбительные слова. Когда те, кто находился в патриархии, вышли вместе с комитом Востока, то, бросая камни и стрелы, они погубили многих восставших. О сделанном было доложено императору, который многих приказал казнить» (Mal. Chron. XVIII, 64).

Подобное описание религиозного противостояния, свидетельствует о том, что Малала не оставался равнодушным к столкновениям еретиков (скорее всего, монофизитов) и православных, но не решался открыто высказаться против правительственной политики. Однако прямых доказательств приверженности писателя к монофизитской ереси здесь усмотреть нельзя.

Можно высказать предположение, что Иоанн Малала в коренном вопросе церковной политики той эпохи — вопросе взаимоотношения православной церкви и различных еретических течений — внешне придерживается официальной точки зрения. Он открыто враждебен к таким еретическим сектам, как манихеи, весьма неприязнен к иноверным самаритянам и иудеям. Об остром же для Востока вопросе взаимоотношений ортодоксов и монофизитов он открыто не говорит, хотя находится в курсе этой борьбы, а порой, быть может, и сочувствует монофизитам, столь сильным и многочисленным в Антиохии. Но открыто выражать свои симпатии к ним он все же не решается.

Различное отношение к отдельным еретическим движениям, нашедшее отражение в хронике Малалы, было характерным для всей церковной политики Юстиниана, который был более жесток с ересями радикально-демократического направления и более умерен в отношении ариан и монофизитов.¹³

Хотя церковная политика Юстиниана не всегда заслуживает полного и безусловного одобрения хрониста. Так, он недоволен нарушением императором поста: «...В ноябре месяце случилось нарушение в воскресенье перед постом. Император приказал вторую неделю продавать мясо. Все мясоторговцы закалывали [скот] и продавали, но никто не ел. Справлялись же страдания [Господа нашего Иисуса] Христа как пожелал и приказал император» (Mal. Chron. XVIII, 96) и весьма холодно говорит об эдикте, касающемся расхождения в исповедании веры, по которому, после объединения не следует говорить об одной природе Христа, а надо признавать две природы. В данном случае имеется в виду знаменитый эдикт Юстиниана, направленный непосредственно против монофизитов, но в котором сам Юстиниан впал в ересь инкорруптиколов (*incorrupticoles*), ярых противников Севера.

Еретические заблуждения императора вызвали большое недовольство и протесты в стране. Описание этих событий у Малалы, скупое и холодное, дает иногда основание предполагать его приверженность к вере монофизитов. Однако еретический эдикт Юстиниана вызвал недовольство не только монофизитов, но и православных, и отношение к нему Малалы еще не может быть достаточно веским аргументом в пользу его монофизитства.

Как аргумент в пользу монофизитства Иоанна Малалы иногда выдвигают и то обстоятельство, что хронист, в отличие от церковных писателей ортодоксального направления, очень скупко говорит о таких деяниях Юстиниана, которые особенно прославлялись православным духовен-

¹¹ См.: Смагина Е.Б. Манихейство по ранним источникам. М., 2011.

¹² Феофан: «Кавад созвал совет, который состоялся по этому поводу». Далее: «предполагая сделать своего сына Фтасуарсана царем».

¹³ Удальцова З. В. Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. М., 1971. Т. 32. С. 11.

ством. Поразительна и его холодность в описании постройки св. Софии, обычно вызывающей огромное восхищение всех ортодоксальных авторов.¹⁴

И все же, на наш взгляд, это может служить лишь косвенным указанием на монофизитские взгляды Малалы.

Хотя он особо и выделяет щедрость императрицы Феодоры, сторонницы монофизитов, в отношении духовенства, вряд ли этот факт может служить подтверждением монофизитства хрониста. И, действительно, у Малалы приводится довольно подробный рассказ о благотворительности Феодоры в отношении церквей: «...На исходе этого индикта августа Феодора с патрикиями и кувикуляриями отправилась в так называемый Питий в сопровождении четырех тысяч человек. Оказав большие милости местным церквам, она возвратилась в Константинополь». (Mal. Chron. XVIII, 25).

Однако остается неясным, какие церкви столь щедро одарила Феодора. Скорее всего, это были церкви ортодоксального духовенства, ибо при всей своей приверженности к монофизитам императрица вряд ли могла решиться на столь открытое покровительство еретикам, что шло вразрез с официальной церковной политикой ее мужа.

Итак, по нашему мнению, в труде Малалы нельзя выделить открытых выступлений автора в пользу монофизитов. Здесь имеются лишь косвенные свидетельства его тайных симпатий к монофизитскому учению. Внешне же Малала вполне ортодоксален, и нет серьезных оснований говорить ни об эволюции его религиозных взглядов, ни о наличии православного редактора, который якобы изменял последнюю часть хроники в духе ортодоксии.

Вполне официально враждебно Малала относится к язычникам-эллинам¹⁵: он сочувствует тому, что по отношению к ним Юстиниан сначала проявил известную умеренность: «...было великое гонение на эллинов, и было подвергнуто конфискации имущество многих, среди которых умерли Македоний, Асклепиодот, Фока, сын Кратера¹⁶, и квестор Фома. Многие были этим сильно напуганы. Император издал указ, чтобы сторонники эллинской веры не принимали участия в государственной службе, а сторонники других ересей удалились бы из римской земли, впрочем, им была дана отсрочка на три месяца для приобщения к истинной вере. Этот божественный указ был объявлен во всех дальних городах» (Mal. Chron. XVIII, 42).

Малала также особо подчеркивал свое враждебное отношение к иным конфессиям – к самаритянам и иудеям, гонения против которых он полностью оправдывал (Mal. Chron. XVIII, 35).

Таким образом, автор «Хронографии» находился в русле официальной ортодоксии, что в целом неудивительно, учитывая общий характер его труда.

¹⁴ Там же. С.12.

¹⁵ Эллины - сторонники язычества. В этом месте речь идет о гонении на язычников, учиненном Юстинианом в 529 г. Феофан дополняет: «и другие ереси».

¹⁶ Фока, сын Кратера - представитель высшей служилой знати, патрикий. См. о нем: Прокопий. Война с персами. I. 24. 18. Фока действительно покончил с собой, но произошло это не в 529 г., как ошибочно утверждает Иоанн, а позднее, в результате повторного гонения на язычников, имевшего место в 545-546 гг.